

Я. А. Ленцман

ДАР МАСИНИССЫ

(К вопросу о хлебной торговле Делоса в начале II в. до н. э.)

Свыше шестидесяти лет назад, в самом начале крупных археологических раскопок на Делосе, французским ученым, работавшим под руководством Т. Омоля, посчастливилось найти среди множества других эпиграфических памятников три надписи, свидетельствующие о наличии связей между далекой Нумидией и островом Аполлона уже в первой четверти II в. до н. э. Эти надписи, связанные так или иначе с так называемым даром Масиниссы храму Аполлона, были опубликованы Омоллем в ВСН за 1878, 79 и 82 гг. Первые две из них—это посвяжительные тексты, составленные в честь Масиниссы делосцем Гермоном¹ и родосцем Хармилом², третья надпись—отчет гиеропеев—администраторов делосского храма за 179 год³.

Со времени опубликования этих надписей дар Масиниссы широко интерпретируется вот уже в течение 70 лет во всех исследованиях по экономике эллинизма. Обычно его связывают с политическими замыслами царя Нумидии, приписывая ему планы захвата хлебного рынка не только Делоса, но и всего восточного Средиземноморья для нумидийской пшеницы. Часто здесь видят показатель связей делосской хлеботорговли с западной половиной Средиземноморья.

Так, например, автор последней специальной монографии об истории Делоса, вышедшей в свет 15 лет назад, Лэдло пишет: «Делос в начале III в. был важным центром покупки и продажи пшеницы, а так как западный мир был источником снабжения, то Делос все более вовлекался в связи с западом; Нумидия, царем которой был Масинисса, представляла собой крупный центр производства пшеницы»⁴.

Кэстер отмечает, что «в 179 г. делосцы при посредничестве трех дельфийских (описка Кэстера, должно быть делосских.—Я. Л.) ситонов и родос-

¹ Надпись Гермона—публикация Омолля в ВСН, III (1879), стр. 469, № 1. Затем была помещена Русселем в IG, XI, под номером 1115; SIG³ 652 и, наконец, Дюрбаком в «Choix d'inscriptions de Délos», под № 68.

² Надпись Хармила публиковалась соответственно теми же издателями в ВСН, II (1878), стр. 400, № 8; IG, XI, 4, 1115 и Choix, № 69.

³ Отчет гиеропеев за 179 год, называемый обычно по имени делосского архонта-эпонима, отчетом Демара, был опубликован впервые Омоллем с обширным комментарием в ВСН, VI (1882), стр. 1—167, а затем в IDD, под № 442. В отчете Демара дару Масиниссы посвящены 100—106 строки текста.

⁴ W. A. Laidlaw, A history of Delos, Oxford, 1933, стр. 127.

ского посла обращаются к царю Масиниссе и получают от него большой дар хлебом»¹. В примечании Кэстер указывает, что этот хлеб не был роздан, но продан ниже рыночных цен.

Наконец, Дэй, автор последней, выпедшей в 1942 г. монографии², заявляет, что в тяжелые годы Афины (а не Делос.—*Я. Л.*) привозили хлеб из Нумидии и «ради этого в первой половине II в. хлеб грузился на корабли в Нумидии для перевозки его на восток» (ук. соч., стр. 45), и что Масинисса лелеял планы «обеспечения рынка сбыта для хлебных излишков на грядущие годы» в восточном Средиземноморье. «У нас,—говорит Дэй,—нет доказательств для периода после 166 г. до н. э., но мы можем с почти полной уверенностью сделать заключение, что большие количества хлеба продавались и в то время на делосском рынке» (ук. соч., стр. 70). Обычно осторожный в своих предположениях Ларсен тоже считает, что Масинисса пыгался обеспечить себе на Делосе регулярный рынок сбыта для нумидийского хлеба³.

Ростовцев в своей последней большой работе о социально-экономической истории эллинистического мира несколько раз говорит о значении дара Масиниссы для восточного Средиземноморья. Сначала он просто указывает на то, что «стоит отметить также хлебный дар нумидийского царя Масиниссы» (SEHNW, стр. 232); затем заявляет, что хлеб царя-земледедца Масиниссы «ныне стал в изобилии появляться на Эгейском рынке» (там же, стр. 630). Наконец, в третий раз Масинисса уже характеризуется как «новый великий экспортер хлеба в старый свет» (там же, стр. 692).

Таким образом, мы видим, что в современной буржуазной историографии дару Масиниссы приписывается очень большое значение, как доказательству и в то же время показателю экономических связей между востоком и далеким западом Средиземноморского бассейна уже в первой четверти II в. до н. э., задолго до окончательного завоевания Востока Римом.

Судьба надписей о даре Масиниссы весьма показательна для очень и очень значительного числа эпиграфических памятников античности. В первый период после их нахождения они широко и, что особенно важно, внимательно изучаются и интерпретируются в целом и в частности. Затем они попадают в общие труды; автор, руководствуясь своими воззрениями на общий ход исторического развития, ставит их в связь с другими явлениями и определенным образом их интерпретирует. Наконец, упоминания о данном факте переходят из одного труда в другой, обрастая догадками, гипотезами и, в конце концов, вымыслами. Среди великого множества последних часто теряются свидетельства самого источника.

Эта вторая и третья «жизнь» памятников древности особенно распространена и опасна в буржуазной историографии, которая, стоя в основном на модернизаторской точке зрения, уже а priori склонна до бесконечности преувеличивать значение всякого свидетельства об античной торговле. Как мы увидим в дальнейшем, эта же судьба постигла и интересующий нас дар Масиниссы.

Вышеуказанные три надписи являются, насколько мне известно, единственным свидетельством столь ранних торговых связей Нумидии с эллинистическим миром. Возникает законный вопрос, в какой степени дар Масиниссы может расцениваться, как показатель наличия развер-

¹ K. Köster, Die Lebensmittelversorgung der altgriechischen Polis, Berlin, 1939, стр. 64.

² J. Day, An Economic History of Athens under Roman Domination, N. Y., 1942.

³ J. A. O. Larsen, Roman Greece, «An Economic Survey of Ancient Rome», т. IV, стр. 351.

нутой торговли между Нумидией и Востоком, а в частности, какую роль он сыграл в торговле и хлебном балансе Делоса. Вопрос этот тем более уместен, что среди нескольких сот специальных статей по отдельным проблемам Делоса нет ни одного исследования, посвященного дару Масиниссы¹.

Ввиду того, что известия о даре сохранились только в делосских надписях, мы вынуждены будем в дальнейшем рассматривать проблему связей Нумидии с Делосом прежде всего с точки зрения делосских данных, обращая основное внимание на значение нумидийского дара не для торговли самой Нумидии, а для хлебной торговли Делоса.

Данные наших источников о нумидийской торговле хлебом, относящиеся к началу II в. до н.э., весьма скудны и не дают возможности сделать каких-нибудь обоснованных документами выводов о планах завоевания хлебных рынков восточного Средиземноморья со стороны Масиниссы. Мы располагаем несколькими свидетельствами Диодора, Страбона и Аппиана о внимании, которое уделял Масинисса земледелию, и сообщениями Ливия о том, что Масинисса несколько раз снабжал римские армии на Востоке значительными партиями хлеба.

Эти данные свидетельствуют прежде всего о том, что Масинисса «приучил нумидов к гражданскому общежитию и к земледелию» (С т р а б о н, XVII, 3, 15). Диодор (XXXII, 17) добавляет к этому, что Масинисса, «оставил каждому из своих сыновей 10.000 плевров земли, снабженной всяческим сельскохозяйственным инвентарем». Аппиан (Lib., 106) тоже отмечает, что Масинисса «обработал много земли». Кроме того, Масинисса, по данным Ливия, четыре раза посылает значительные партии пшеницы и ячменя для прокормления населения самого Рима и римским войскам на востоке (Л и в и й, XXXI, 19, 2—4; XXXVI, 3, 1; 4, 5—6 и 9; XLII, 35 и XLIII, 6). Торговые соображения играли здесь незначительную роль, так как делалось это всегда по просьбе римлян, и Масинисса иногда отказывался от оплаты.

Никаких других данных о хлебной торговле Нумидии и тем паче о вывозе хлеба на Восток мы не имеем. Тем больше имеется у нас оснований считать делосский дар Масиниссы совершенно аналогичным вышеуказанным дарам того же Масиниссы Риму.

Что же фактически представляет собой делосский дар Масиниссы? Указанные тексты, особенно отчет Демара, дают нам возможность ближе определить его значение. Первые две надписи гласят:

[Β]ασιλέα Μασαννά[σαν]

Βασιλέως Γαῖα

Ἐρμῶν Σέλωνος

τὸν αὐτοῦ φίλον

5 Ἀπέλλωνι

Πολιάνθῃς ἐποίησεν (Choix, № 68).

Βασιλέα Μασαννάσαν βασιλέως Γαῖα

Χαρμύλος Νικάρχου Ῥόδιος θεοῖς (Choix, № 69).

¹ Первоиздатель всех трех надписей Омолль ограничился в отношении первых двух текстов только краткими замечаниями, а в обширном комментарии к отчету Демара дан обстоятельный анализ доходов и расходов только храмовой кассы (τέρα κιβωτός). Исследованию поступлений в городскую кассу (δημοσίη κιβωτός) Омолль обещал посвятить специальную статью; (см. BCH, VI; 1882, стр. 75), но так и не выполнил своего обещания. Как видно из нижепереведенного текста, все операции, связанные с реализацией дара Масиниссы, шли именно через городскую кассу и потому не были учтены Омоллем. Последующие исследователи также не останавливались более подробно на данных о даре Масиниссы.

Гермон, сын Солона, как мы увидим в дальнейшем, был одним из членов комиссии, избранной специально для реализации дара Масиниссы. Его надпись найдена на пьедестале статуи, посвященной им Аполлону. Сама статуя не сохранилась, но, судя по тексту, она представляла собой Масиниссу. Надпись сохранилась в хорошем состоянии. Личность скульптора Полианта нам ближе не известна.

Вторая надпись, составленная родосцем Хармилом, сыном Никарха, вызывает интерес прежде всего в связи с этнической принадлежностью Хармила. В 101 строке отчета Демара после слов *καὶ ὁ πρῶτος* Омолль оставил лауну, примерно из шести букв..A..N. Впоследствии Дюррбак прочел на месте этой лауны слово *Ῥοδίωv*. По всей вероятности, Хармил и является этим *πρῶτος* *Ῥοδίωv*. К вопросу об участии родосцев в делосской хлеботорговле мы еще вернемся в дальнейшем.

Но все же основные наши сведения о даре Масиниссы мы получаем из отчета Демара, где с даром Масиниссы связан следующий отрывок из данных о поступлениях в так называемую *δημοσία κасса* (городскую, в отличие от собственно храмовой: *ἱερά κасса*, кассу). Соответствующее место гласит: «Во время нашего правления, в присутствии архонта города, секретарей и пританов данного месяца внесены были в городскую кассу также следующие другие денежные суммы:

Горшок с надписью: от (меняльного стола) Нимфодора и Гераклида при Демаре, в ленайоне-месяце. Внесена ситонами: Амном, Фаном и Филлаком, а также послом..A..N цена 1484 медимнов и 9 гемиектов хлеба, что от царя Масиниссы,—4454 драхмы $1\frac{1}{2}$ оболы;

Другой горшок с надписью: от (меняльного стола) Эллина и Мантинейя, при Демаре в артемисионе-месяце. Внесено в храм Гермоном, сыном Солона, Семом, сыном Космиада, и Солоном, сыном Метонима, за цену хлеба, что от царя Масиниссы, согласно решению демоса—2530 драхм;

Другой горшок с надписью: от (меняльного стола) Филона и Силеня, при Демаре в артемисионе-месяце. Внесено в храм Гермоном, Солоном и Семом за цену хлеба, что от царя Масиниссы, согласно решению демоса—375 драхм;

Другой горшок с надписью: от (меняльного стола) Нимфодора и Гераклида, при Демаре в артемисионе-месяце. Внесен Гермоном, Солоном и Семом остаток цены 1311 медимнов 9 гемиектов медимнов (должно быть хлеба—*σίτου*, вместо *μαδίωv*.—Я. Л.), что пожертвован царем Масиниссой, согласно решению демоса—2560, драхм $3\frac{3}{4}$ оболы».

Прежде всего отметим, что все взносы, поступающие от реализации дара Масиниссы, передаются в городскую кассу. В начале II в. в денежном хозяйстве делосского храма и самого полиса происходят довольно значительные изменения. В отличие от обычной освященной вековой традицией формы отчетов гиеропеев, свидетельствующей о наличии на Делосе одной общей кассы храма и города, во II в. до н. э.¹ впервые появляется новая, более сложная форма отчетности, свидетельствующая о наличии двух отдельных касс: храмовой—*ἱερά* и городской—*δημοσία*. На основании отчета 192 г. можно сделать вывод, что в то время, повидимому, существовал даже особый, выделенный из *δημοσία*, третий—специальный хлебный фонд *σιτωνικόν*². Судя по отчету Демара, в 179 году наступила новая реорганизация: *σιτωνικόν* перестает существовать в качестве самостоятельного фонда, и все его ресурсы передаются в городскую кассу с указанием на целевое назначение фонда—*εἰς σιτωνίαν*.

¹ Точнее говоря, с 192 г. до н. э. (отчет Поликсена; см. BCH, XXXV, 1911 = IDD, 399, А, стк. 69—73).

² Ларсен, ук. соч., стр. 345—347.

Об отделении городской кассы от храмовой свидетельствует прежде всего формула записи поступлений. В ней перечисляются лица, присутствующие при официальной передаче сумм: архонт города, секретари и пританы данного месяца¹. Все они являются должностными лицами полиса. В отличие от этой формулы, свидетельствующей о самостоятельности городской кассы, в записях поступлений в храмовую кассу указываются наряду с магистратами полиса также работники храма: гиеропеи, а иногда и их секретарь².

Но все-таки четкого разграничения между обеими кассами все еще нет. Отчет по городской кассе включен фактически в общий отчет храма³. Пожалуй, наиболее показательным то, что городские казначеи (τραπεζίται) вносят деньги непосредственно в храмовую кассу, минуя городскую⁴, причем указанная сумма вовсе не отмечается ни коим образом в отчете по городской кассе.

Повидимому, разграничение функций между городской и храмовой кассами идет по линии целевого назначения расходов. В ведении городской кассы находятся расходы и доходы по таким позициям, как хлебный фонд, ремонт набережной, плата флейтистам, покупка картин и т. д. К компетенции храмовой кассы принадлежат прежде всего операции с имуществом храма, выдача ссуд, взимание процентов по займам, покупка предметов культа, оплата работников храма. Некоторые оплаты как, например, от меняльных столов (τῶν τραπεζῶν)⁵, вносятся и в храмовую и в городскую кассы (строки 47 и 85).

Общий итог отдельно по каждой кассе можно свести в следующую таблицу. В отчете по городской кассе отдельно выделен фонд εἰς σκηνίαν, как имеющий для нашего анализа наиболее важное значение. В нижней строке указаны итоги реализации дара Масиниссы. Данные по фонду εἰς σκηνίαν подсчитаны включительно с даром Масиниссы. В данные по городской кассе включены операции по хлебному фонду. Все числа даны в драмах.

Касса	Получено в начале года	Поступило	Израсходо- вано	Сальдо в конце года
Храмовая	60.929	14.623	17.928	57.624
Городская	28.371	70.066	59.150	39.287
Хлебный фонд (εἰς σκηνίαν)	18.560	51.794	55.680	14.674
Дар Масиниссы		9.919		

¹ Отчет Демара: строки 99—100; та же буквально формула встречается и на строке 76, где речь идет о переводе денег из городской кассы в храмовую. Здесь кроме перечисленных должностных лиц города указаны еще имена двух гиеропеев: Синонима и Криттия, которые, повидимому, лично взяли деньги из городской кассы для передачи их храму.

² Строки 2—3 отчета Демара

³ Отчет по городской кассе занимает строки 75—140 общего отчета Демара. Отчет по храмовой кассе разделен на две части: строки 3—75 дают общие данные о бюджете храма, затем следует отчет городской кассы, после чего продолжается храмовый отчет, но уже по конкретным финансовым операциям с недвижимым имуществом храма, налогами, покупками товаров и т. д.

⁴ Строки 26—27: вложили в храмовую [кассу] казначеи Кайбон и Мнесиклид в качестве возврата богу ссуды, взятой городом [Делосом].

⁵ В отчете Демара почти все финансовые операции, как городской, так и храмовой кассы, производятся через посредничество трех меняльных столов (контор). В данном случае речь идет об уплате сбора, взимаемого с этих контор. В отчете строго различаются термины: ἀπό τῆς [τραπεζῆς], означающий взнос посредством конторы, и τραπεζῆς без предлога,—означающий взнос с самой конторы.

Какие выводы мы можем сделать из нашей таблицы? В о - п е р в ы х, тот, что, несмотря на меньшее количество средств, обороты городской кассы значительно больше, чем храмовой. По доходам они больше почти в 5 раз; по расходам—почти в 3,5 раза. В о - в т о р ы х, главную роль в оборотах городской кассы играет хлебный фонд. Он составляет 70% доходов и, что еще более многозначительно, свыше 94% всех расходов городской кассы. Единственный расход городской кассы, не связанный с покупкой хлеба,—это уплата флейтистам и хору, а также стоимость их пропитания и цена венка для победителя в соревнованиях— в общей сложности 3470 драхм¹. Кстати, и этот расход, как это следует из других делосских надписей, часто сводился до минимума, так как артисты иногда отказывались от оплаты, и деньги, предназначенные флейтистам, переходили нетронутыми из одного отчета в другой².

Таким образом, все расходы городской кассы фактически сводились к финансированию покупок хлеба. Мы вправе предположить, что само образование отдельной городской кассы было вызвано трудностями со снабжением хлебом и желанием освободить храмовую кассу от расходов, с ним связанных. Этот наш вывод находится в полном согласии со всеми сведениями о финансовой деятельности греческих храмов вообще, а делосской святыни в частности. В отличие от частных трапезитов, которые в расчете на большие прибыли финансировали иногда даже весьма рискованные предприятия³, храмы обращали внимание прежде всего на платежеспособность своих должников. Этим обусловлено, например, и то, что в случае неуплаты ссуды или арендной платы контрагентами храма, гиеропеи, заключившие договор, были обязаны возместить храму половину убытка.

Операции по покупке и продаже хлеба в связи с резкими колебаниями цен в начале II в. до н.э. были относительно рискованным предприятием, и храмовая администрация предпочитала отказываться от этого дела. Необходимость покупки больших партий хлеба для снабжения жителей острова вынудила городские власти Делоса образовать специальную городскую кассу, в фонды которой были включены суммы, предназначенные прежде всего на покупку хлеба.

В-т р е т ь и х, наша таблица наглядно показывает, какую роль играл дар Масиниссы в финансах Делоса. Весь фонд *εἰς σιτωνίαν* составлял не 55 680 драхм, как это могло бы казаться на первый взгляд, а, повидому, только 18 560 драхм, поступивших в начале года и сразу же выданных ситонам. После покупки и продажи партии хлеба ситоны возвращают реализованную сумму в меняльный стол и затем при его посредничестве получают от кассиров такую же сумму 18 560 драхм для дальнейших оборотов. Такие выдачи происходят каждые 4 месяца⁴. Дар

¹ Строка 128: флейтистам—3000 [драхм], стоимость хорегий и победного венка—470 [драхм].

² О м о л л ь в ВСН, XIV (1890), стр. 445—449; в частности см. прим. 3 на стр. 448.

³ Самой распространенной формой деятельности трапезитов были морские ссуды, характеризующиеся М и ч е л л о м (The economics of ancient Greece, Cambridge, 1940, стр. 345) как «наиболее распространенная, наиболее выгодная и одновременно наиболее азартная из всех банковских операций».

⁴ В ленайоне, таргелионе и буфониионе, строки 122, 129 и 132 отчета Демара. Л а р с е н (ук. соч., стр. 347) предполагает вопреки данным отчета, что весь хлебный фонд состоял не из 18 560 драхм, засвидетельствованных в отчете, но был даже значительно больше, чем $3 \times 18\,560 = 55\,680$ драхм, так как эта сумма по его предположению обращалась несколько раз в течение года в руках ситонов. Единственным аргументом Ларсена является соображение, что хлеб было выгоднее покупать большими партиями осенью

Масиниссы, увеличивший свободные хлебные фонды на 9919 драхм, давал возможность ситонам оперировать большими суммами и, таким образом, облегчал положение делосцев не только в 179 году, но и в дальнейшее время; оборотный капитал хлебного фонда увеличился благодаря дару почти на 50%.

В финансовых операциях, связанных с даром Масиниссы, постоянно упоминаются три пары трапезитов: Нимфодор и Гераклид; Эллен и Мантиней, а также Филон и Силен. Необходимо отметить, что все вообще графы поступлений в отчете Демара начинаются со слов ἀπο τῆς [τραπέζης], после чего следуют, как правило, имена двух трапезитов. Все поступления как в храмовую, так и городскую кассу идут через один из трех меняльных столов. Большинство расходов тоже производится в этом порядке.

С течением времени в руки трапезитов постепенно переходят все финансовые операции храма Аполлона. Уже в отчете Поликсена за 192 год до н.э. все доходы храма поступают в храмовую кассу только через три меняльных стола, с которыми имеют дело гиеропеи. Этот порядок продолжает соблюдаться, судя по отчету Демара, и в 179 г. до н.э.

Во избежание преувеличения роли трапезитов на Делосе необходимо все же подчеркнуть, что трапезиты никогда не финансируют ни храмовую, ни городскую кассу. Как следует из текста, они всегда играют роль хранителей вкладов для удобства своих контрагентов. Во всех графах, где говорится ἀπο τῆς [τραπέζης], всегда следует указание, от кого и за что получена данная сумма.

С другой стороны, трапезиты не всегда могли свободно располагать оставленными у них на хранение суммами. Деньги хранились в специальных горшках (στάμνοι), обычно запечатанных.

Денежное хозяйство храма на протяжении почти всего III в. очень громоздко и неповоротливо. Развитие обмена и значительное увеличение оборотных средств, а также рост трудностей в снабжении хлебом в III в. заставили в конце концов предпринять реорганизацию финансов полиса и храма, выразившуюся в привлечении к храмовым операциям частных трапезитов и в выделении особой городской кассы.

Это явление наблюдается не только на Делосе. Цибарт отмечает, что к концу III и началу II века в эллинистическом мире почти повсеместно: на Делосе, в Милете, Кизике, на Самосе, в Синопе и других местах, возникают городские «банки»¹. Характерными особенностями развития финансового хозяйства Делоса были—по мнению Цибарта—а) безопасность; б) всеобщий почет и в) накопление средств².

О значении дара Масиниссы свидетельствует косвенно и тот факт, что делосцы поручили продажу хлеба не только ситонам данного года: Амну, Фану и Филлаку, но также сочли нужным избрать³ специальную

¹ Это вряд ли ситоны покупали хлеб в течение всего года. Мне это предположение Ларсена кажется абсолютно недоказанным. Сам факт выделения особой городской кассы, фактически только ради финансирования покупок хлеба, свидетельствует не только об апровизационных, но и финансовых трудностях Делоса. Вполне вероятно, что городу было не под силу мобилизовать дополнительных 37.000 драхм для финансирования более крупных покупок хлеба.

² E. Ziebarth, *Hellenistische Banken, Zeitschrift für Numismatik*, 1923, стр. 45.

³ Ibid., стр. 39.

⁴ О том, что члены комиссии были избраны, а не назначены, свидетельствует то, что в тексте отчета каждое из трех указаний об их взносах сопровождается формулой *καὶ τὸ ψήφισμα τῶν ἀγγέλων*. Этой формулы мы не встречаем в свидетельствах о деятельности обычных ситонов.

комиссию в составе Гермона, сына Солона, Солона, сына Метонима, и Сема, сына Космиада. Последний является автором ряда декретов о проксии, его отец был архонтом Делоса в 197 году. Гермон, сын Солона, известен нам по тому же отчету Демара¹. Эта комиссия организовала продажу 1311 медимнов 9 гемиектов пшеницы. Реализованная сумма была внесена тремя частями по 2 530, 375 и 2560 ¹⁵/₂₄ драхм в течение одного месяца—артемисиона. Всего, таким образом, комиссией было внесено 5 465 ¹⁵/₂₄ драхмы. Хлеб продавался по цене 4 драхмы 1 обол за медимн. Ситоны этого года, которым была поручена продажа 1484 медимнов 9 гемиектов, реализовали 4454 ³/₁₂ драхмы: эта сумма была внесена в кассу в ленайоне (первый месяц 179 года). Хлеб продавался ситонами по цене 3 драхмы за медимн. Так как ячмень в это время стоил на делосском рынке в среднем 3,5 драхмы за медимн², а пшеница была в два раза дороже ячменя, то цены на нумидийскую пшеницу были в среднем 2 раза ниже рыночных³. Это полностью исключает предположение о коммерческом характере должности ситонов. Само собой разумеется, что их задачей было вести дела без дефицита, так как городу трудно было возмещать убытки. Все доходы городской кассы фактически шли на увеличение оборотного фонда *σισωνικόν*. Но целевое назначение фонда состояло именно в максимальном снижении хлебных цен и облегчении жителям города возможности покупки дешевого хлеба. Этим, вероятно, следует объяснить и то, что при благоприятном бюджете государственной кассы в 179 г. сальдо хлебного фонда было меньше, чем в начале 179 г. Ситоны получили большие фонды, чем годом раньше. Быть может, именно с этим характером функции ситонов связано и то, что они продавали нумидийскую пшеницу по три драхмы за медимн, в то время как вышеуказанная комиссия все же установила более высокую цену—4 драхмы 1 обол за медимн.

Как следует из текста, величина дара Масиниссы составляла 2796,5 медимнов пшеницы. Годовая норма потребления хлеба на одного взрослого мужчину составляла в древней Греции 7,5 медимнов. Следовательно, даром можно было обеспечить годовое пропитание 373 человек. Это, понятно, немалая сумма для населения Делоса, но все же трудно рассчитывать, что Делос мог серьезно развить свою «транзитную» хлеботорговлю на базе такого дара⁴.

¹ Строка 40: ссуда, которую уплатил Гермон, сын Солона,—606 [драхм] и проценты, которые он был должен,—242 [драхмы]. Судя по тому, что Гермон платит сразу проценты за 4 года и возвращает всю сумму долга, следует заключить, что его дела значительно улучшились в 179 году по сравнению с предыдущим годом. Долг был уплачен им во всяком случае до аресиона (одиннадцатый месяц делосского календаря). Операции по продаже нумидийской пшеницы были полностью завершены еще в артемисионе (четвертый месяц). Вполне вероятно, что продажа пшеницы значительно ниже рыночных цен, была немаловыгодным делом для организаторов продажи.

² См. F. H e i c h e l h e i m, *Wirtschaftliche Schwankungen in der Zeit vom Alexander bis Augustus*, 1930, стр. 51.

³ Вот почему мне кажется неправильным утверждение Ларсена (op. cit., стр. 346), что *σισωνικόν* носил коммерческий характер. Власти города при желании несомненно могли бы продать хлеб, полученный от Масиниссы, по значительно более высокой цене, чем это было фактически сделано.

⁴ Теперь становится вполне ясным, сколь мало обосновано утверждение Дзя о том, что Масинисса этим даром не только поддержал делосскую хлеботорговлю, но даже снабжал Афины. Тем более безосновательно его заключение о большой хлеботорговле Делоса после 166 г. Что касается планов Масиниссы завоевать хлебный рынок восточного Средиземноморья, мы вынуждены ограничиться молчанием, так как фактически ничего нам об этом неизвестно.

Нам остается рассмотреть еще один вопрос, связанный с даром Масиниссы. В отчете Демара, наряду с именами ситонов и членов комиссии, продававшей нумидийскую пшеницу, фигурирует некий преторский *Родос*. Счастливая случайность, благодаря которой сохранилась до нашего времени упомянутая нами в начале надпись IG, XI, 4, 1116, позволяет нам с большой долей вероятности предположить, что этим родосским послом был Хармил. Характерно, что Хармил был не только посредником между Масиниссой и Делосом, — в этом не было бы ничего удивительного, — но то, что он наряду с ситонами участвует в продаже первой части дара Масиниссы и вместе с ними вносит деньги в городскую кассу Делоса.

Как известно, первые два десятилетия II в. являются апогеем родосской торговли. После побед римского оружия на Западе и Востоке, родосские купцы использовали свое положение друзей и союзников римского народа и не только захватили в свои руки торговлю восточного Средиземноморья, но, повидимому, старались вступить в связи и с далекой хлебобобильной Нумидией. По всей вероятности дар Масиниссы был передан Делосу не без участия официальных представителей Родоса. Это тем более правдоподобно, что к этому же периоду относятся засвидетельствованные делосской эпиграфикой богатые пожертвования Публия и Люция Корнелиев Сципионов Аполлону Делосскому. А ведь Сципионы постоянно выступали как покровители Масиниссы еще со времени II Пунической войны.

С другой стороны, со второй половины III в. на Делосе все более усиливается влияние Родоса. Декрет делосцев, датированный серединой века, ясно дает понять, что роль протекторов Киклад переходит к Родосу¹. Начиная с этого времени, родосцы постоянно посылают феории на Делос. Храмовые отчеты тоже свидетельствуют о большом количестве пожертвований родосцев Аполлону. Так, например, сохранилась надпись неизвестного родосского наварха, пожертвовавшего вместе с товарищами часть военных трофеев Аполлону (IG, XI, 4, 1135).

Число надписей в честь родосцев значительно увеличивается в начале II в. Имеется несколько делосских декретов этого периода в честь родосских навархов, в том числе два декрета упоминают о заслугах Анаксибия «представителя родосцев и начальника островов и кораблей островитян» (Ibid., 752—3). К этому времени относится декрет в честь Эпикрата, посланного Родосом со специальным заданием обеспечения безопасности Киклад вообще, а Делоса в частности (Ibid., 751). Данные надписей подтверждаются свидетельством Ливия, отметившего, что в начале II в. Родос превратил почти все Кикладские острова в своих союзников².

Характерно не только большое количество делосских декретов в честь родосских флотоводцев. Быть может, еще более показательным то, что родосские дельцы играют в это время все большую роль в финансовых делах Делоса. Оба декрета в честь Анаксибия были предложены Телемнестом, сыном Аристиды, семья которого вообще как бы специализировалась на похвальных декретах в честь родосцев³. На Делосе действует в это время один из крупнейших современных траpezитов Афинодор

¹ IG, XI, 4, 596. Вероятно, с этим же декретом связано постановление островитян в честь родосского наварха Агострата (ibid., 1128), разгромившего египетский флот одновременно с битвой при Андросе (Polyaen., V, 18).

² Liv., XXXI, 15, 8.

³ Дед Телемнеста, также Телемнест, в свое время был автором другого похвального декрета в честь некоего родосца (IG, XI, 4, 683).

родосец. Наконец, наибольшее количество делосских похвальных декретов периода независимости относится к Родосу—16 декретов. Только на втором месте стоят Афины с 11 декретами, на третьем Хиос с 10 декретами.

* * *

В настоящей работе прослежено значение дара Масиниссы для острова Аполлона. Привоз большой партии нумидийской пшеницы на Делос никоим образом нельзя расценивать как показатель широких экспортных планов Масиниссы, как доказательство значительной транзитной торговли Делоса и уж тем более как свидетельство снабжения Афин нумидийским хлебом через Делос.

Рассмотренные выше тексты рисуют совершенно иную картину взаимоотношений Нумидии с восточным Средиземноморьем и в частности использования дара Масиниссы.

Во-первых, дар Масиниссы имел прежде всего политическое значение, как средство приобщения властелина Нумидии к эллинистическому миру. Масинисса в этом отношении только следовал по стопам своих патронов Публия и Люция Корнелиев Сципионов, которые еще в 191 г. до н. э. почтили святыню Аполлона крупными дарами. Бесплатность дара лучше всего свидетельствует о том, что Масинисса преследовал не торговые, а политические цели.

Во-вторых, сами делосцы трактовали дар Масиниссы, как благодеяние для полиса Делоса, а вовсе не как объект торговли или спекуляции хлебом. Считая, что население острова составляло в то время около 5 000 человек, можно предполагать, что 2 796 медимнов могло хватить не больше, чем на месяц пропитания жителей Делоса. Нумидийский хлеб продавался по ценам на 50% ниже рыночных, причем весь доход поступил в городскую кассу, созданную, как мы видели выше, именно для финансирования покупок хлеба на прокорм местного населения.

В-третьих, получение и распределение делосцами дара Масиниссы является показателем значительных апровизационных трудностей, которые переживал в то время остров Аполлона и никоим образом не свидетельствует о наличии транзитной хлеботорговли на Делосе.

В-четвертых, активное участие родосских флотоводцев и торговцев в получении нумидийской пшеницы еще раз косвенным образом подтверждает незначительность и несамостоятельность делосской торговли в период, предшествовавший провозглашению *porto franco*.

Анализ текстов, связанных с даром Масиниссы, еще раз показывает, сколь не обоснованы зачастую бывают построения и гипотезы даже самых крупных буржуазных историков и сколь основательной проверки по источникам требует каждое их утверждение.

